

УДК 330.59:364.2(98)

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ. ОСОБЕННОСТИ В АРКТИКЕ

Овчинников Олег Владимирович¹,
o.ovchinnikov@narfu.ru

Орлова Вера Вениаминовна²,
orlova_vv@mail.ru

¹ Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова,
Россия, 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, 17.

² Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники,
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 40.

Овчинников Олег Владимирович, доктор социологических наук, профессор кафедры менеджмента Высшей школы экономики, управления и права Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова.

Орлова Вера Вениаминовна, доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социологии Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники.

Рассматривается история разработки и применения в сравнительных международных исследованиях такого показателя, как качество жизни. Вначале в качестве критерия взяли ВВП на душу населения, затем расширили количество составляющих критерия, добавив степень свободы от бедности, социального неравенства, доступа к образованию, здравоохранению. И, наконец, после изучения опыта Бутана по измерению качества жизни моделью валового национального счастья с 2013 г. ООН официально утвердил этот показатель. В 2017 г. Финляндия занимает 1-е место, Россия – 59-е, Бурунди – 156-е. Однако оказалось, что объективные индикаторы в показателе качества жизни не дают полную картину. Они (индикаторы) должны получить эмоциональную оценку личности, т. к. мир творит мозг. Генетические и социогенетические программы человека индивидуально оценивают объективный мир, вынося ему окончательную оценку понятиями «удовлетворённость–неудовлетворённость», «счастлив–несчастлив». Изложены все трудности современной социологии на пути к измерению самочувствия индивида. Особое место в статье отведено проблеме качества жизни в Арктике, которая имеет семь принципиальных отличий от средней полосы России. Изучение качества жизни требует построения исследовательской модели на анализе и синтезе концепций общественного развития, технологических параметров эволюции производственной среды и роли человека в обществе. Исследование качества жизни возможно на основе положений, сложившихся в экономической науке школ и направлений, антропоцентрических теорий социализации и гуманизации труда, устойчивого развития и благосостояния, человеческого капитала.

Ключевые слова: Валовое национальное счастье, генетические и социогенетические программы, социальное самочувствие, индикаторы Арктики, чувственно-мыслительные программы, философия здоровья.

В настоящий период не существует универсального определения и методов измерения качества жизни. Это объясняется сверхсложностью системы исследования, каким является человек. Л.Н. Толстой очень точно заметил, что «человек один и тот же, то злодей, то ангел, то мудрец, то идиот, то силач, то бессильнейшее существо» [1, 187]. В XXI веке в связи с расшифровкой генома человека подтвердили данную гипотезу. Оказалось, что сложнейшее взаимодействие генетических, социальных программ в

структурах мозга, а также случайные факторы образуют такую синергетическую систему «Человек», что в XXI веке расшифровать её не представляется возможным. Брюс Гуд пишет: «Развернуть и полностью расшифровать сложный узор человеческого развития – устрашающая задача, и маловероятно, что учёные когда-либо смогут сделать это хотя бы для одного человека, поскольку взаимодействие биологии и среды не точно определенный, а вероятностный процесс. Попросту говоря, расклад может быть слишком уж разным. Случайные события в период развития могут изменить результат развития непредсказуемым образом» [2, 146]. Здесь уместна метафора Уоддингтона о том, что генотип – это шарик, катящийся по «каналам» жизни (среда, случайные факторы). А «одомашнивание» гена происходит в культуре. Так потребность в насилии заложена в генетике, а инстинкт собственности, владения обнаруживается у детей уже в 5 лет. И, как следствие, человеческое «Я» есть полная сумма всего, что он может назвать своим: не только его тело, психика, но и его одежда, дом, жена, дети, предки, друзья, репутация, работа, банковские счета и т. д. А это расширенное «Я» надо защищать. Включается программа «Бей или беги», реализующая потребность в пище, безопасности, размножении.

Вот почему исследователи проблемы качества жизни, часто даже не зная достижений современной генетики, говорят о невозможности создания универсального показателя качества жизни. Более того, ценность его сомнительна. Если же мы и построим модель показателей и индикаторов качества жизни, то она должна подчиняться фундаментальному принципу научного исследования «общее–особенное–единичное». Об этом же положении говорит исследователь Айвазян С.А.: «Ставя перед собой цель анализа и измерения различных синтетических категорий качества жизни (разной степени общности), мы должны отдавать себе отчёт в том, что методология измерения и интерпретации интегральных индикаторов качества жизни населения должны быть специфицированы под определённые типы задач их прикладного исследования» [1].

Однако как сформировать общую концепцию качества жизни? В английской социологии даже нет такого понятия. Они заменили его на «качество трудовой жизни». Этот термин появился в США в 1960-х гг. Теоретический стимул исходит из ранних европейских работ и экспериментов по социотехническому системному подходу. Это организационный проект по измерению благосостояния работников и их участию в принятии решений и, как следствие, функциональной эффективности [3, 4].

В советской науке было только понятие качества труда как степени сложности, интенсивности, тяжести [6]. Ничего не говорит об этом и новейший российский энциклопедический экономический словарь [7]. И лишь социологи предположили, что качество жизни – это набор условий и характеристик жизни [8].

И вот на таком основании, точнее безо всякого основания, пока и строится система показателей качества жизни. Ссылаясь на Адама Смита пришли к заключению, что качество жизни зависит исключительно от материального благополучия, которое выражается в ВВП на душу населения. Но А.А. Федотов справедливо указывает: «ВВП на душу населения сам по себе не оптимален для отражения качества жизни, так как:

показывает масштабы производства и лишь косвенно отражает **потребление и доходы**, игнорируя степень социально-экономического неравенства;

не учитывает вред окружающей среде от производственной деятельности, тогда как экологическое состояние среды, в которой живёт человек, непосредственно влияет на качество жизни.

Подробная критика подхода основанного на использовании ВВП в качестве характеристики материального положения населения представлена в Докладе Комиссии

по измерению эффективности экономики и социального прогресса, подготовленного Дж. Стиглицом, А. Сенем и Ж.-П. Фитусси в рамках Программы развития ООН (ПРООН) по просьбе президента Франции Николя Саркози в 2008–2010 годах» [9]. Поэтому данная комиссия предложила предельно широкую модель, в которой на первое место поставили показатель степени свободы от бедности, социального неравенства, доступа к образованию, здравоохранению. Экономическое благосостояние в этой модели является **инструментом достижения счастья** [10, 11].

Интересно, что концепция счастья не изобретение указанной выше комиссии, а плагиат программы короля Бутана Джигме Вангчука, который уже в 1971 г. заменил показатель ВВП на ВНС – валовое национальное счастье, с его показателями: духовное, физическое, социальное и экологическое здоровье граждан, активное развитие, справедливость социальных процессов, сохранение культурного наследия и окружающей среды. За 34 года в Бутане на практике реализовали данную модель, а король вошёл в список 100 человек, которые формируют наш мир, и с 2013 года ООН официально утвердил данный показатель. В нём представлены ВВП на душу населения, продолжительность жизни, гражданские свободы, уровень коррупции, великодушные и щедрость граждан. В 2018 г. по этому показателю **в список 10 самых счастливых граждан вошли жители следующих стран**: Финляндия – 7,632; Норвегия – 7,594; Дания – 7,555; Исландия – 7,495; Швейцария – 7,487; Нидерланды – 7,441; Канада – 7,328; Новая Зеландия – 7,324; Швеция – 7,314; Австралия – 7,272. Россия с индексом 5,810 находится на 59-й строчке рейтинга между Северным Кипром и Казахстаном (в 2015 г. – 64-е место). Самыми несчастными (2,905) оказались жители Бурунди – 156-е последнее место.

Таким образом, представленные выше концепции оценки качества жизни человека в обязательном порядке дополняются социологическими исследованиями. Но главная трудность связана прежде всего с тем, что на протяжении почти целого века методологией исследования выступала теория Дюркгейма: человек – рационально мыслящее существо, его мозг отражает объективный мир, который мозгом рационально конструируется в идеальных моделях. На этой базе вплоть до XXI века и проводились все социологические исследования. Безусловно, что в индустриальной эпохе, жёстком классовом обществе приоритетом пользовалась индустриальная социология. Тысячи работ были опубликованы по теме «Человек и его работа». Однако оказалось, что первичным в познании мира была, есть и будет эмоциональная оценка отражённого субъективного мира. Другими словами, люди конструируют мир на базе заложенных генетических программ через запахи, цвет, звук и т. д. Ч. Киндлбергер и Алибер доказали, что причиной всех 48 экономических кризисов, происшедших за последние 300 лет была генетическая программа «Жадность и страх». Для России ярчайший пример – пирамида Мавроди.

В 2017 г. американский экономист Р. Талер получил Нобелевскую премию за открытие первичности эмоций в жизни общества. Родились научные дисциплины: экономика эмоций, нейромаркетинг, нейросоциология как современные инновационные проекты по анализу поведения человека. Альфа-Банк – первая организация в России, где скрытая камера по эмоциям на лице клиента определяет степень его удовлетворённости обслуживанием. Этим ещё раз подтверждается положение Тарда о том, что социальное (наши оценки, действия и т. д.) есть **результат разложения воображаемого (экзистенциального)**. Таким образом, в современных условиях интегральный показатель качества жизни есть система объективных и субъективных показателей: ВВП на душу населения, степень комфортности проживания (жильё, инфраструктура, сбалансиро-

ванное питание, экологическое состояние окружающей среды, доступность и качество образования и здравоохранения и т. п.), прошедших через фильтр эмоциональных оценок, сфокусированных в понятии **счастье**. Именно по такой методике проведено в РФ социологическое исследование 2008 г. в рамках реализации проекта «Социальные изменения в современной России: методология измерения и социальные практики» [10]. В качестве интегрального показателя качества жизни авторы избрали социальное благополучие как единство объективного и субъективного. К первому они отнесли материальное положение людей, состояние здоровья, безопасность, медицинское, торговое, транспортное обслуживание, жилищно-коммунальную сферу и т. д. Ко второму – субъективное восприятие вышеперечисленных областей жизни. Оказалось, что почти по всем показателям, кроме торговли, жизнь в планово-распределительной экономике (социализм) оценивается на порядок выше, чем в рыночной (капитализм) в 2008 году. Базовые же показатели социального самочувствия: социальная зависимость, уверенность в завтрашнем дне, доброжелательные, коллективистские отношения сменились на их антиподы. В СССР независимо от национальности, профессионального статуса все были братья, теперь все – враги. Субъективные оценки хорошо коррелируют с объективными показателями качества жизни в РФ по международным рейтингам. По индексу развития человеческого потенциала (ожидаемая продолжительность жизни, уровень грамотности населения страны, уровень жизни, оцененный через ВНД на душу населения по паритету покупательной способности) – 50-е место из 188 стран. Малайзия обошла нас по продолжительности жизни и объёму ВВП на душу населения. Утрачена экономика простых вещей [13]. За чертой бедности свыше 20 млн чел., и только к 2024 году по очень оптимистическому прогнозу А. Кудрина мы собираемся уменьшить бедность на 25 %, бедность семей с детьми – на 40 %. Но такие радужные прогнозы уже были. За 2003–2010 гг. планировали увеличить ВВП на 200 %, а по факту – 25 %. С 1 мая 2018 года минимальная заработная плата приравнена к прожиточному минимуму 11 163 руб. (–13 % налога). Для стран Большой двадцатки минимальная оплата сегодня в следующих размерах: Германия – 106 370 руб., Франция – 83 580 руб., Китай – 31 700, Турция – 29 160, ЮАР – 11 400, Бразилия – 10 780, Индия – 4060 руб. [14]. И выходит, что объективные параметры качества жизни в РФ снизились по сравнению с 1980 г. многократно, а субъективные дают «розовую» картину сегодняшнего состояния. Почему «розовые» воспоминания? Да потому что «когда информация извлекается из глубины нашего мозга, она перезаписывается заново. И во время извлечения и перезаписи она может мутировать невероятным образом так, что и наши воспоминания при этом трансформируются. А человек продолжает думать, что именно это и есть истинная информация, отражающая происходящее... Оба полюса памяти, клеточно-биологический и культурно-гуманистический пока мало изучаются во взаимодействии» [15].

Таким образом, изучая проблему качества жизни, мы видим, насколько подвижна, текуча сама модель, её индикаторы, зависящие от возраста, пола, менталитета, этноса. Так, к примеру, базовый показатель для пенсионера будет складываться из характеристик состояния бытового обслуживания: охраны здоровья, уровня пенсионного, социального обеспечения, психологического комфорта в общении с детьми, внуками, качество питания. Для работающего человека – качества трудовой, семейной жизни, сферы досуга и т. д. Однако для монгола и француза, пенсионера и работающего человека в этот перечень тоже входит разное содержание. А в целом, восточный тип личности с менталитетом направленности внутрь (интроверт) имеет другую модель жизни, нежели западный – экстравертный.

И наконец, требования к качеству жизни на севере и юге континентов тоже имеют значительное расхождение. В данном конкретном случае идёт речь об Арктике. Несмотря на многовековой опыт её освоения, так и не удалось создать арктическую региональную науку. И только в начале XXI века стало ясно, что рыночная экономика в Арктике невозможна. Здесь работают три нерыночных сектора: корпоративный, бюджетный (трансфертный), традиционный. Высокоспецифическая среда Арктики требует междисциплинарного синтеза наук для характеристики её фундаментальных особенностей, в числе которых другое социальное пространство: время Арктики, сильнейшая нестационарность, отдалённость, отсутствие рынка. Обобщая накопленный материал по проблемам Арктики, Н.Ю. Замятина и А.Н. Пилясов в работе «Новое междисциплинарное научное направление: арктическая региональная наука» [16] пришли к следующим выводам:

- многие феномены, которые в умеренной зоне имеют «среднестатистический» характер, в условиях Арктики обретают предельное, маргинальное, крайнее, обострённое выражение;
- проблемы справедливости, равенства, являющиеся классическими темами региональной политики, в условиях Арктики тесно увязываются с проблемами эффективного природопользования, формирования региона-собственника, в котором местные сообщества на равных участвуют в распределении сгенерированной здесь природной ренты;
- своеобразие арктического инновационного процесса состоит в его обращённости к решению ключевых для экономики проблем: климатической экстремальности и удалённости;
- города Арктики, как и города умеренной зоны, формируют тесные связи с окрестной территорией, но характер этих отношений здесь другой: в Арктике у городов нет сельскохозяйственного пригорода, его место занимают ресурсные промыслы, для которых город играет роль не центра, а базы снабжения квалифицированными кадрами, основными средствами производства и материальными ресурсами;
- нигде в умеренной зоне миграция не оказывает такого определяющего воздействия на рынки труда и жилья, как в Арктике;
- вопросы, касающиеся изменения климата в Арктике, научно проработаны существенно глубже, чем вопросы изменения климата в умеренной зоне, потому что в Арктике проявления этих изменений значительно более наглядны;
- скорость перемен, перехода из одной возрастной фазы освоения в другую с радикальной сменой при этом всех социально-экономических параметров в условиях Арктики просто беспрецедентная и не идёт ни в какое сравнение с временным ритмом подобных процессов в умеренной зоне. Поэтому императивы устойчивого развития для Арктики трансформируются лишь в «гашение» предельной турбулентности [17].

Изучение качества жизни в Арктической зоне РФ ещё ждёт своих исследователей, так как границы этого региона были установлены Указом Президента РФ только 4 мая 2015 года. Пока есть серьёзный эмпирический материал [18, 19, 20], наработанный по локальным территориям Арктики: Мурманской области, гг. Норильску, Воркуте, Новой Земле. В Архангельской области таким объектом изучения стал город Арктики Новодвинск. Международный индекс счастья (МИС), или социальное самочувствие, здесь исследовалось с 1980 по 2015 г. В диссертации Кашкиной Л.В. [20] представлены данные ретроспективного анализа социологических исследований, проведённых в г. Новодвинске в 1980 г. (А.А. Дрегалю, О.В. Овчинников), 1998 г. (А.А. Дрегалю, В.И. Ульяновский), 2008 г. (Е.В. Микляева), 2012 г. (Л.В. Кашкина, В.И. Ульяновский), 2015 г.

(К.О. Малинина). По результатам анализа социального самочувствия населения г. Новодвинска определены категории населения, находящиеся в зонах благоприятного и неблагоприятного социального самочувствия и выявлена зависимость степени благоприятности социального самочувствия по половозрастному, профессиональному и семейному статусу. Благоприятное социальное самочувствие преобладает в основном у молодых людей в возрасте 18–29 лет, представителей бизнеса и работников градообразующего предприятия. Пенсионеры, респонденты старше 50 лет, безработные, вдовы и вдовцы характеризуются неблагоприятным социальным самочувствием. Полученные результаты данного исследования соответствуют так называемому «синдрому устойчивого неравновесия» в рамках теории В.В. Колбановского, суть которой состоит в существовании среди населения полярных оценок социального самочувствия, даже в периоды резкого ухудшения социально-экономической ситуации, что позволяет поддерживать относительно стабильное состояние в социуме и не переходить границы. При сравнительном анализе удовлетворенности жизни населения в г. Новодвинске выявлено, что самый высокий уровень был в 1980 г. (75,3 %), в 1998 г. этот показатель снизился до 20,5 %. Затем на протяжении 22 лет происходило медленное повышение уровня удовлетворенности жизнью, однако к 2015 г. данный показатель вновь снизился до 41,3 %.

По результатам опросов можно сделать вывод о том, что в 1980 г. у жителей г. Новодвинска был самый высокий уровень социального самочувствия (МИС). В 1998 г. этот показатель радикально снизился: горожане оценивали своё положение как бедственное, каждому пятому денег не хватало даже на покупку продуктов питания (20 %). Если уровень дохода «выше среднего» в 1998 г. отмечали лишь 6 % респондентов, в 2008 г. этот показатель был 7,5 %, в 2012 г. этот процент вырос более чем вдвое (15,5 %), а в 2015 г. этот показатель упал до 7 %. Таким образом, можно констатировать, что за 35 лет выявлена высокая волатильность как в материальном положении населения города, так и по шкале социального самочувствия. При анализе динамики изменения психоэмоционального состояния населения г. Новодвинска с 1980 по 2015 г. отчётливо прослеживается кардинальное увеличение проявления жестокости, агрессивности и усталости среди горожан, а также снижение уровня доверия к властям. Сравнительный анализ удовлетворенности жизнью населения в г. Новодвинске показал, что переход от социализма к капитализму привел к классическому отчуждению в труде, описанному ещё К. Марксом в XIX веке. Более того, частная собственность разрушила почти все институты участия граждан в управлении городом (партийные и комсомольские организации, профсоюзы, народный контроль и др.). Итогом двадцати пяти лет реформ по вхождению в рынок стало колоссальное отставание России от мирового технологического развития. В условиях риска нарастающего отставания российской экономики от развитых стран в таких приоритетных областях, как человеческий потенциал, создание высококонкурентной институциональной среды, обеспечение социальной и экономической политики структурной диверсификацией и инновационным развитием, современный моногород представляет собой еще более серьезную проблему федерального уровня, поскольку не произошла диверсификация на другие отрасли промышленности, что является потенциальной зоной социального взрыва и экономического коллапса. В связи с этим результаты исследования социального самочувствия населения моногорода являются своеобразным индикатором, выражающим реакцию населения на изменяющиеся условия социальной среды.

Таким образом, мы видим, что интегральный показатель качества жизни есть единство объективных показателей, прошедших через субъективную оценку каждого

человека, выражающего свой уровень удовлетворённости по шкале «очень счастлив – счастлив – и да и нет – нет – затрудняюсь в оценке».

Социогуманитарные науки непрерывно совершенствуют инструментарий замеров, одним из которых является использование двух методов – индексного и кластерного анализа с 13 показателями, характеризующими материальное положение и жилищно-имущественное обеспечение домохозяйств, доступность образования и квалифицированной медицинской помощи, экологическую ситуацию в регионе (таблица).

Таблица. Основные компоненты и показатели качества жизни населения [21]

Table. The main components and indicators of the quality of life of population [21]

Компоненты/Components	Показатели/Indicators
Материальное положение домохозяйств Financial situation of households	Денежные душевые доходы населения с учётом индекса стоимости жизни, р./мес. Уровень бедности населения, % Monetary income per capita of the population, taking into account the cost of living index, rub. per month Poverty level, %
Жилищно-имущественная обеспеченность домохозяйств Housing and property provision of households	Обеспеченность благоустроенным жильем, м ² /чел. Количество собственных автомобилей, шт. на 1000 человек Обеспеченность предметами длительного пользования (ПДП), ед. на 100 домохозяйств The provision of comfortable housing, m ² /person. Number of own cars, units per 1000 people Provision of durable goods (PDP), units per 100 households
Доступность услуг социальной сферы: здравоохранения, образования, культуры Availability of social services: health care, education, culture	Численность населения на одного врача, человек. Обеспеченность детей дошкольного возраста местами в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, присмотр и уход за детьми, мест на 1000 детей. Число студентов в учреждениях высшего и среднего профобразования, человек на 10 000 населения. Посещаемость театров и музеев, число посещений на 1000 населения в год. Библиотечный фонд, число экз. на 1000 населения. Population per doctor, people. Provision of children of preschool age with places in organizations carrying out educational activities, supervision and care of children, places per 1000 children. The number of students in institutions of higher and secondary vocational education, per 10 thousand people. Attendance of theaters and museums, the number of visits per 1000 population per year. Library Fund, the number of copies. per 1000 population
Доступность занятости Availability of employment	Уровень общей безработицы, % Total unemployment rate, %
Безопасность проживания Safety of living	Число правонарушений на 100 000 населения Number of offenses per 100 thousand population
Экологические условия Environmental conditions	Экологический индекс Environmental Index

Кластерный анализ сохраняет многомерность характеристик регионов. В то же время ранжирование субъектов страны по величине интегрального индекса качества жизни внутри каждого кластера позволяет выявить неравенство между ними, а расчёт среднего значения качества жизни для кластера в целом – их проранжировать. Совмещение двух разных методических подходов даёт возможность получить более обоснованную типологию субъектов РФ по качеству жизни населения [22].

В результате исследования было выявлено 8 кластеров по индексу качества жизни, от кластера 5 – Санкт-Петербург с индексом КЖ – 0,71850, Москва – 0,64703, до кластера 8 – Республика Дагестан – 0,43063, Чеченская Республика – 0,38037, Республика Ингушетия – 0,3341 при среднем при РФ – 0,54885.

Регионы Арктики в основном попали в 6-й кластер, в котором Магаданская область занимает 3-е место в стране после Москвы. Её индекс КЖ – 0,63697, а Ненецкий АО с индексом 0,52386 – 55-е место в РФ. Архангельская область, где только пять районов (Архангельск, Северодвинск, Новодвинск, Приморский и Мезенский) относятся к Арктике, занимает 47-е место с индексом 0,53330.

Это были показатели объективного качества жизни (ОКЖ). Но поскольку мы имеем дело с живыми людьми, то реальным показателем является субъективный (СКЖ), или, как было показано выше, **международный индекс счастья**. При расчёте объективного индекса жизни сводятся в одно целое такие показатели, как уровень доходов, с учётом индекса стоимости жизни и посещаемость театров, музеев. Но для Москвы и Магадана потребность у населения в музеях и театрах кардинально разная, и, как следствие, разный субъективный показатель качества жизни, который, несмотря на работы американской исследовательницы К. Рифф, так и не сформирован [23].

Интересен в этом отношении подход швейцарского нейробиолога Лючано Чомпи, заключающийся в том, что сочетание **эмоций**, как говорил Пол Экман, **определяется качеством нашей жизни**, умозаключений и человеческого поведения, образует в памяти функциональные единства, т. е. интегрированные чувственно-мыслительные-поведенческие программы (ЧМП), которые снова и снова реализуются в аналогичных ситуациях, одновременно перезаписываясь. Вероятно, что эти программы и являются истинными строительными блоками нашего психического аппарата, включая показатели субъективного качества [24].

Таким образом, если объективный мир есть нечто изначальное, фундаментальное, то отражающие его жизненные миры разных людей множественны, призрачны, эфемерны. Эти миры совершенно иной природы: они существуют не вне, а внутри самого человеческого сознания, формируя на каждом этапе социализации и ресоциализации человека ядро личности – систему ценностей, реализация которых приводит к психологическому благополучию, и в конечном счёте – счастью. Содержательная интерпретация шести шкал психической жизни по Н. Рифф содержит такие грани: самопринятие, позитивные отношения с окружающими, автономия, управление окружением, цель в жизни, личностный рост. Однако, по нашему мнению, это лишь первый и пока несовершенный подход к определению индикаторов психологического качества жизни. В нём слабо проявляются стержневые свойства личности, ценности: дети, семья, работа, досуг и т. д. Среди всех ценностей современного человека, а значит, и качества жизни, определяемого как счастье по показателю ООН, одной из главных является долгая здоровая жизнь до 80+ лет. Все остальные ценности в развитых странах рассматриваются через призму данной.

Наиболее универсальное понимание здоровья мы находим у И. Канта, который рассматривает его как самопроизводство человеком собственного самотождества. Чем дольше это происходит, тем лучше. В этом «суверенитет личности», а именно способность сказать: «Это я и мыслю тождественно». Здоровье, по И. Канту, морально по сути и направлено на самосохранение человека, сохранение его природы в совершенстве (как восприимчивость) [25]. Из этого определения вырастают все шесть индикаторов психологического качества здоровья Н. Риффи, ибо в здоровом теле – здоровый дух.

Философия здоровья – самая сущностная часть жизни. Она многократно важнее философии жизни, ибо она может быть не только здоровой, но и больной, причастной к небытию.

Сразу же отличим философию здоровья от философии медицины, которая выражает стратегию развития отрасли. Здесь описание состояний и процессов врачебных, социально-культурных, экономических и политических. Здесь прослеживаются все цепочки причинно-следственных связей, здесь всё концентрируется в понятии «народосбережение» (Г. В. Вернадский, А.И. Солженицын) [26]. И в этом случае здоровье выступает обобщающим, конечным результатом экономического, организационного и технологического взаимодействия каждого из субъектов корпорации: государства, здравоохранения, образования, культуры, религии. И в этом же смысле здоровье, личное и общественное, имеют и биологические, и социокультурные, и когнитивные показатели как объект-субъектные индикаторы качества жизни.

Всё вышеизложенное и международные теории и практики оценки качества жизни положены в основу Стратегии РФ на 2018–2024 гг., где выделены «Семь приоритетов». Первым стал приоритет «Важен каждый». Цель – реализовать человеческий потенциал каждого гражданина России за счёт:

- образования: умения XXI века, равные образовательные возможности; непрерывное образование с ростом затрат за 7 лет на 59,3 %;
- здравоохранения: здоровый образ жизни; современное здравоохранение; рост затрат на 67,6 %;
- борьба с бедностью: в целом снижение на 25 %, а бедность семей с детьми на 40 %;
- достойное и активное долголетие с ожидаемой продолжительностью жизни 80+ лет. Безусловно, что это оптимистический вариант повышения качества жизни населения России и в разных регионах он будет иметь свои уровни. Однако и через семь лет число абсолютно бедных, уменьшившись на 25 %, останется в пределах 17–18 млн чел. В то же время ряд скандинавских стран уже сейчас проводит эксперимент коммунистического распределения: каждому жителю, независимо от того, работает он или нет, планируется ежемесячно выплачивать свыше 140 тыс. руб. Однако возник риск – без работы личность деградирует

Вывод

Большинство процессов в обществе носят нелинейный характер, и математика здесь бессильна. Социальный мир требует неразрушающих методов исследования, которые только начинают входить в науку. И модель качества жизни, как главного параметра человеческой цивилизации, сегодня в центре внимания большой науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 53. – М.: Гослитиздат, 1928–1958. – С. 187.
2. Гуд Б. Мозг прирученный. Что делает нас людьми. – М.: Альпина Паблишер, 2001. – 288 с.
3. Айвазян С.А. Анализ качества и образа жизни населения. – М.: Наука, 2012. – 432 с.
4. Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь. Т. 1. – М.: Вече, 1999. – 544 с.
5. Badoux A., Mendelsohn G.A. Subjective Wellbeing in French and American Samples: Scale Development and Comparative Data // Quality of Life Research. – 1994. – V. 3. – Iss. 6. – P. 395–401.
6. Большая советская энциклопедия / гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия. – Т. 11. – 1973. – 608 с.
7. Архипов А. Экономический словарь. – М.: Проспект, 2017. – 672 с.

8. Schwartz S.H. Cultural value differences: Some implications for work // *Applied Psychology: an International Review*. – 1999. – № 48. – P. 23–47.
9. Федотов А.А. Качество жизни и человеческий потенциал – сущность и отличия понятий // *Народонаселение*. – 2017. – № 2. – С. 62–69.
10. Стиглиц Дж., Сен А., Фитусси Ж.-П. Неверно оценивая нашу жизнь. Почему ВВП не имеет смысла? // *Доклад Комиссии по измерению экономического развития и социального прогресса*. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – 216 с.
11. Arctic Social Indicators / Eds. J.N. Larsen, P. Schweitzer, G. Fondahl. – Copenhagen: Nordic Council of Ministers, 2010. – 159 p.
12. Возьмитель А.А. Качество жизни в доперестроечной и пореформенной России // *Социологические исследования*. – 2013. – № 2. – С. 25–32.
13. Миркин Я.В. Российская экономика: рост под санкциями (сценарии будущего) // *Экономическое возрождение России*. – 2018. – № 2. – С. 63–67.
14. Смолин О.Н. Экономия на человеке как механизм торможения: некоторые социоэкономические аспекты // *Экономическое возрождение России*. – 2018. – № 2. – С. 23–35.
15. Анохин К.В. Лабиринты сознания, кладовые памяти // *Человек*. – 2014. – № 2. – С. 86–104.
16. Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Новое междисциплинарное научное направление: арктическая региональная наука // *Регион: экономика и социология*. – 2017. – № 3. – С. 3–30.
17. Rath T., Harter J. Wellbeing: the Five Essential Elements. – New York: Gallup Press, 2011. – 240 p.
18. Швецов А., Наумова Ю. Экономическое пространство Арктического региона: сущность, содержание и особенности формирования // *Проблемы теории и практики управления*. – 2017. – № 12. – С. 40–47.
19. Хачатурян А., Елисеев Д. Механизмы государственного управления комплексным освоением ресурсного потенциала Арктики // *Проблемы теории и практики управления*. – 2017. – № 12. – С. 48–54.
20. Кашкина Л.В. Социальное самочувствие населения в моногороде арктической зоны российской федерации в условиях модернизации современного общества: автореф. ... дис. канд. соц. наук. – Архангельск, 2017. – 29 с.
21. Мигранова Л.А., Ульянов В.В. Методические подходы к оценке качества жизни населения в регионах // *Народонаселение*. – 2017. – № 3. – С. 116–129.
22. Welzel C., Inglehart R. Agency, Values, and Well-Being: a Human Development Model-2010. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2Fs11205-009-9557-z.pdf> (дата обращения: 07.08.2018).
23. Подузов А.А., Языкова В.С. Понятия субъективного качества жизни и психологического благополучия человека: очерк современных представлений // *Проблемы прогнозирования*. – 2017. – № 3. – С. 90–105.
24. Экман П. Психология эмоций. Я знаю, что ты чувствуешь. – СПб.: Питер, 2015. – 334 с.
25. Историко-философские подходы к пониманию здоровья // *Философия здоровья*. – М.: Институт философии РАН, 2001. – С. 5–33.
26. Шамшури В.И., Шамшурина Н.Г. Философия здоровья. Историко-философские и медицинские основы // *Человек*. – 2018. – № 1. – С. 100–114.

Поступила 17.09.2018 г.

УДК 330.59:364.2(98)

QUALITY OF LIFE AS AN OBJECT OF STUDY. ESPECIALLY IN THE ARCTIC

Oleg V. Ovchinnikov¹,
o.ovchinnikov@narfu.ru

Vera V. Orlova²,
orlova_vv@mail.ru

¹ Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
17, Severnaya Dvina Emb., Arkhangelsk, 163002, Russia.

² Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics,
40, Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia.

Oleg V. Ovchinnikov, Dr. Sc., professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov.

Vera V. Orlova, Dr. Sc., professor, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics.

The paper considers the history of development and use of such indicator as quality of life in comparative international studies. Initially the GDP per capita was taken as a criterion, then the criteria were expanded by adding a degree of freedom from poverty, social inequality, access to education, health care. And finally, after studying the experience of Bhutan on measuring the quality of life by the gross national happiness model since 2013 the UN formally approved this measure. In 2017, Finland takes the first place, Russia – 59th, Burundi – 156th. However, it turned out that objective factors in the quality of life indicator do not give the full picture. The indicators should get an emotional evaluation of personality as the peace creates the brain. Genetic and sociogenetic programs of a man evaluate individually the objective world, estimating it by the concepts «satisfaction–dissatisfaction», «happy–unhappy». The article describes all the difficulties of modern sociology towards the measuring the well-being of the individual. The authors pay special attention to the problem of the quality of life in the Arctic, which has seven basic differences from Central Russia. The study of quality of life requires the construction of a research model based on analysis and synthesis of concepts of social development, technological parameters of the evolution of production medium and the role of the individual in society. Study of quality of life is possible based on the positions in economic science of schools and directions, anthropocentric theories of labor socialization and humanization, sustainable development and well-being of human capital.

Key words: Gross national happiness, genetic and sociogenetic programs, social well-being, indicators of the Arctic, sensual-mental program, health philosophy.

REFERENCES

1. Tolstoy L.N. Polnoe sobranie sochineniy v 90 t. T. 53. Moscow, Goslitizdat Publ., 1928–1958. P. 187.
2. Gud B. Mozg priruchenny. Chto delaet nas lyudmi. Moscow, Alpina Publ., 2001. 288 p.
3. Ayvazyan S.A. *Analiz kachestva i obraza zhizni naseleniya* [Analysis of the quality and lifestyle of the population]. Moscow, Nauka Publ., 2012. 432 p.
4. Dzheri D. Dzheri Dzh. *Bolshoy tolkovy sotsiologicheskiy slovar* [Big Explanatory Sociological Dictionary]. Moscow, Veche Publ., 1991. 544 p.
5. Badoux A., Mendelsohn G.A. Subjective Wellbeing in French and American Samples: Scale Development and Comparative Data. *Quality of Life Research*, 1994, vol. 3, Iss. 6, pp. 395–401.
6. *Bolshaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia]. Ed. by A.M. Prokhorov. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1973. Vol. 11, 608 p.

7. Arkhipov A. *Ekonomicheskiy slovar* [Economic Dictionary]. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 672 p.
8. Schwartz S.H. Cultural value differences: Some implications for work. *Applied Psychology: an International Review*, 1999, no. 48, pp. 23–47.
9. Fedotov A.A. Kachestvo zhizni i chelovecheskiy potentsial – sushchnost i otlichiya ponyatiy [Quality of life and human potential – the essence and differences of concepts]. *Narodonaselenie*, 2017, no. 2, pp. 62–69.
10. Stiglits Dzh., Sen A., Fitussi Zh.-P. Neverno otsenivaya nashu zhizn. Pochemu VVP ne imeet smysla? [Wrong appreciation of our lives. Why GDP does not make sense?]. *Doklad Komissii po izmereniyu ekonomicheskogo razvitiya i sotsialnogo progressa* [Report of the Commission on the measurement of economic development and social progress]. Moscow, Institut Gaydara Publ., 2016. pp. 43–56.
11. *Arctic Social Indicators*. Eds. J.N. Larsen, P. Schweitzer, G. Fondahl. Copenhagen, Nordic Council of Ministers, 2010. 159 p.
12. Vozmitel A.A. Kachestvo zhizni v doperestroechnoy i poreformennoy Rossii [Quality of life in pre-perestroika and post-reform Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2013, no. 2, pp. 25–32.
13. Mirkin Ya.V. Rossiyskaya ekonomika: rost pod sanktsiyami (stsenarii budushchego) [Russian economy: growth under sanctions (scenarios of the future)]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*, 2018, no. 2, pp. 63–67.
14. Smolin O.N. Ekonomiya na cheloveke kak mekhanizm tormozheniya: nekotorye sotsioekonomicheskie aspekty [Saving on a person as a braking mechanism: some socioeconomic aspects]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*, 2018, no. 2, pp. 23–35.
15. Anokhin K.V. Labirinty soznaniya, kladovye pamyati [Labyrinths of consciousness, memory]. *Chelovek*, 2014, no. 2, pp. 86–104.
16. Zamyatina N.Yu., Pilyasov A.N. Novoe mezhdistsiplinarnoe nauchnoe napravlenie: arkticheskaya regionalnaya nauka [New interdisciplinary research direction: Arctic Regional Science]. *Region: ekonomika i sotsiologiya*, 2017, no. 3, pp. 3–30.
17. Rath T., Harter J. *Wellbeing: the Five Essential Elements*. New York, Gallup Press, 2011. 240 p.
18. Shvetsov A., Naumova Yu. Ekonomicheskoe prostranstvo Arkticheskogo regiona: sushchnost, sodержание i osobennosti formirovaniya [Economic space of the Arctic region: the essence, content and features of the formation]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya*, 2017, no. 12, pp. 40–47.
19. Khachatryan A., Eliseev D. Mekhanizmy gosudarstvennogo upravleniya kompleksnym osvoeniem resursnogo potentsiala Arktiki [Mechanisms of state management of the integrated development of the resource potential of the Arctic]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya*, 2017, no. 12, pp. 48–54.
20. Kashkina L.V. *Sotsialnoye samochuvstvie naseleniya v monogorode arkticheskoy zony rossiyskoy federatsii v usloviyakh modernizatsii sovremennogo obshchestva*. Avtoreferat Kand. nauk [Social well-being of the population in the single-industry town of the Arctic zone of the Russian Federation in the context of the modernization of modern society. Cand. Diss. Abstract]. Arkhangelsk, 2017. 29 p.
21. Migranova L.A., Ulyanov V.V. Metodicheskie podkhody k otsenke kachestva zhizni naseleniya v regionakh [Methodical approaches to assessing the quality of life of the population in the regions]. *Narodonaselenie*, 2017, no. 3, pp. 116–129.
22. Welzel C., Inglehart R. *Agency, Values, and Well-Being: a Human Development Model*. 2010 Available at: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2Fs11205-009-9557-z.pdf> (accessed 07 August 2018).
23. Poduzov A.A., Yazykova V.S. Ponyatiya subektivnogo kachestva zhizni i psikhologicheskogo blagopoluchiya cheloveka: ocherk sovremennykh predstavleniy [The concepts of subjective quality of life and psychological well-being of a person: a sketch of modern ideas]. *Problemy prognozirovaniya*, 2017, no. 3, pp. 90–105.
24. Ekman P. *Psikhologiya emotsiy. Ya znayu, chto ty chuvstvuyesh* [Psychology of emotions. I know what you feel]. St. Petersburg, Piter Publ., 2015. 334 p.
25. Istoriko-filosofskie podkhody k ponimaniyu zdorovya [Historical and philosophical approaches to health understanding]. *Filosofiya zdorovya* [Philosophy of health]. Moscow, Institut filosofii RAN, 2001, pp. 5–33.
26. Shamshurin V.I., Shamshurina N.G. *Filosofiya zdorovya. Istoriko-filosofskie i meditsinskie osnovy* [The philosophy of health. Historical-philosophical and medical foundations]. *Chelovek*, 2018, no. 1, pp. 100–114.

Received: 17 September 2018.